

Павел Глушаков

Независимый исследователь

pavel.glushakov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5179-5458>

Андрей Дмитриев

Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

apdspb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

Pavel Glushakov

Independent researcher

pavel.glushakov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5179-5458>

Andrey Dmitriev

Institute of Russian Literature RAS (Pushkin House)

apdspb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

ПОЭЗИЯ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРИГОВА
В РЕЦЕПЦИИ Д. Е. МАКСИМОВА:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1980 ГОДА

POETRY OF DMITRY ALEXANDROVICH PRIGOV
IN THE RECEPTION OF D. E. MAKSIMOV:
UNPUBLISHED MATERIALS OF 1980

Статья представляет собой публикацию архивных материалов, связанных с поэзией Дмитрия Пригова. Известный историк русской литературы Дмитрий Максимов делает выписки из неизданных стихотворений Пригова и дает краткий отзыв об этих текстах. Заметки Максимова интересны не только как факт истории литературы. Это свидетельство сложной рефлексии чужого творчества в сложившейся эстетической системе, приобретшей в герметичных советских условиях застывшие и неподвижные (а оттого и негибкие) формы. В публикуемых текстах прослеживается процесс индивидуального восприятия одного творческого человека за текстопоражающим процессом другого поэта. Заметки на полях, подправленная пунктуация, призванная

придать тексту «традиционность», привычность, — все это становится любопытным феноменом постижения новой поэтики через ее неприятие.

Ключевые слова: Пригов, Максимов, Тютчев, рецепция, московский концептуализм, авангард.

The article is a publication of archival materials related to the poetry of Dmitry Prigov. Dmitry Maximov, a well-known historian of Russian literature, makes extracts from Prigov's unpublished poems and gives a brief review of these texts. Maximov's notes are interesting not only as a fact of literary history. They are evidence of a complex reflection of another's work in the established aesthetic system, which under hermetic Soviet conditions had acquired frozen and immobile (and therefore inflexible) forms. The published texts trace the process of individual perception of one creative person behind the text-generating process of another poet. Notes in the margins, corrected punctuation designed to make the text "traditional", habitual — all this becomes a curious phenomenon of comprehension of new poetics through its rejection.

Key words: Prigov, Maximov, Tyutchev, reception, Moscow Conceptualism, avant-garde.

В фонде Дмитрия Евгеньевича Максимова (1904–1987) в Российской Национальной Библиотеке сохранился один документ — заметки историка литературы, поэта, так сказать, классической школы — о цикле стихов Дмитрия Александровича Пригова *Весьма нищенские утешения*, написанных в 1980 году и являющихся таким образом уникальным свидетельством синхронной рецепции текстов Пригова, не публиковавшихся в СССР.

Каким образом попали к Максиму стихи Пригова, остается неизвестным, однако в архиве ученого сохранились и другие заметки и выписки из неизданных и неподцензурных текстов 70-х — начала 80-х годов. Это свидетельствует не только о широте литературных интересов Максимова, но и о доверии к его мнению тех неформальных кругов, благодаря которым в его распоряжении оказывались самиздатовские сочинения того времени. И действительно: авторитет Д. Е. Максимова был очень высок. Конечно, он в первую очередь был признанным знатоком поэзии Серебряного века, творчества Блока и Брюсова, но любил и ценил также современную ему поэзию.

Однако, конечно, тексты Пригова не могли быть близки Максиму-поэту, а тонкий аналитический талант литературоведа не был настроен на ту новую и весьма специфическую оптику, которая не была в распоряжении Максимова — историка русской поэзии (от Пушкина до Волошина). Поэтому его отзыв об избранных текстах Пригова вышел столь желчным и нелепым.

Координатное пространство поэтической аналитики Максимова обозначено им вполне определенно — это «точка зрения возвышенной словесности». Все последующие оценки выстраиваются в ряд, который ожидаемо дает оценочные характеристики по шкале «высокое — низкое». Между тем талантливый и чуткий литературовед все же сумел частично преодолеть

рецепционную тенденцию такого рода и усмотрел в текстах Пригова также максимально «допустимую» для Максимова *периферийно возможную* традицию. Говоря о текстах Пригова как «варианте» традиции ОБЭРИУ (такой взгляд был предопределен «ленинградским» по преимуществу поэтическим интересом Максимова, для которого «московский концептуализм» был — так сказать — вдвойне: пространственно-поэтически — чужд), ученый усмотрел весьма любопытную параллель к традициям дадаизма, что было смелой и продуктивной интенцией для перспективного изучения поэтики Пригова.

Наконец, погрузившись в поэтическую и языковую стихию Пригова, как представляется, Максимов (при всем своем раздражении от знакомства с такой чуждой для себя текстовой сущностью) все же не остался равнодушен (возможно, совершенно несознательно) к такого рода новаторской субстанции. Его итоговое заявление, что в некоторых стихах Пригова «что-то шевелится», конечно, отсылает к тютчевскому «О чем ты веешь, ветер ночной?...» с его предикативными вопросами:

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?

Образ стихии, неуправляемой и непознанной силы, выражен в финальной строке, откуда взята аллюзия Максимова:

О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!.. (Тютчев 1957: 144)

Заметки Дмитрия Евгеньевича Максимова о стихах Дмитрия Александровича Пригова интересны не только как факт истории литературы. Это свидетельство трудной апперцепции чужого в сложившейся эстетической системе, приобретшей в герметичных советских условиях застывшие и неподвижные (а оттого и негибкие) формы. Кроме этого, мы имеем счастливую возможность наблюдать за индивидуальным восприятием одного творческого человека за текстопорождающим процессом другого творца. Заметки на полях («всё» — пишет Максимов, как бы опережая свои и читательские ожидания от *намеренно* не оконченного текста Пригова), иная, подправленная пунктуация, призванная придать тексту «традиционность», привычность, — все это становится любопытным феноменом *постижения* новой поэтики через ее *неприятие*. Наконец, некоторые цитируемые в заметках тексты Пригова, кажется, не вошли в его поздние поэтические сборники, и таким образом мы становимся читателями неизвестного или, по крайней мере, малоизвестного Пригова.

Текст Д. Е. Максимова печатается по оригиналу (машинопись с рукописными дополнениями), хранящемуся в Фонде ученого в ОР РНБ (Ф. 1136, оп. 2, № 282, л. 1–2 об.).

*

Д. Пригов (сб.). Весьма нищенские утешения. М., 1980.

Предуведомление

Весьма нищенские утешения. И вправду: нищие образы, нищие рифмы и размеры, нищая фразеология, нищий словарь. Все это было бы весьма милым и знаменательным декоративным курьезом, когда бы эти стихи не являлись единоутробной дитятей нашего нынешнего языка и языкового мышления, которые даны нам здесь и сейчас и которые должны прожить, как судьбу, честно, нечужеродно, с прислушиванием и угадыванием.

С точки зрения возвышенной словесности можно было бы, конечно, деликатно не замечать этого нищенства, когда бы не его далеко нешуточные претензии. Как, впрочем, и у этих стихов¹.

Образы на выбор:

*

Земные толпы растительных людей
И звериных меховые толпы
Посмотришь и на сердце становится теплей
И теплее смотришь на толпу, с которой пришел ты
А пришел ты с толпой идеологических людей
А еще между всеми поселены толпы
Других неживущих и непонимающих людей
На кого-нибудь да натолкнешься, в какую бы сторону не пошел ты².

*

Когда приходит врач в халате белом
Он — ангел, даже если и не так
Когда он занят своим тайным делом
Ты со своим ему открытым телом
Ты для него — случайность и пустяк
И ты его не должен опасаться:
Со смертью ты связан в небесах
Он подтвердить пришел и расписаться
И кой-что взвесить на чужих весах³.

*

Орел кладет мне руку на плечо
А на другую лев кладет мне руку
Товарищи мои! — такая жизнь!
Товарищи! живем в такое время!

Иначе нам, товарищи, нельзя
Иначе нам, товарищи, не сбыться

¹ Цитируется авторское предуведомление к циклу *Весьма нищенские утешения* (Пригов Дмитрий Александрович 2019: 266).

² Этот текст отсутствует в собрании сочинений Пригова.

³ Без разбивки на четверостишия как в печатном варианте.

Иначе не родить нам голубицу
Которая, товарищи... (всё)⁴.

*

Вот он объехат трамваем
Но переехан страной
Был бы переехат трамваем —
Умер бы для жизни земной
А как страною переехан —
Умер для жизни неземной.

Вот ведь как в жизни бывает⁵.

*

Товарищ! товарищ! не надо болеть!
В такие минуты сжимается жизнь
Почти вполвину, а после на треть
А после —⁶ горошинкой в теле лежит
Пока ее там не нащупает смерть
Но скажем себе мы: товарищ! товарищ!
Не надо, не надо, не будем болеть!

*

Сидит на небе ворон-птица
А под землей — лежит мертвец
Друг другу смотрят они в лица
Они друг друга видят сквозь
Все, что ни есть посередине
О ты, земля моя родная!⁷
Меня ты держишь здесь певцом
Меж вороном и мертвецом.

Его же сб<орни>к: КРОВЬ И СЛЕЗЫ И ВСЕ ПРОЧИЕ⁸. М., 1980.

1-е стих.<отворения> в сб<орник>е:

Что-то крови захотелось
Дай, кого-нибудь убью
Этот вот, из них красивый
Самый первый в их строю
Вот его-то я убью⁹
Просто так, для пользы дела
Искромсаю его тело
Память вечная ему¹⁰

Выписанные выше как-будто (?) лучшие (основ<ная> часть знач<ительно> хуже).

⁴ В скобках помета Максимова.

⁵ Этот текст отсутствует в собрании сочинений Пригова.

⁶ У Пригова тире отсутствует.

⁷ У Пригова: «О, ты земля моя родная!»

⁸ Авторское название цикла: *Кровь и слезы и все прочее*.

⁹ У Пригова: «Вот его-то и убью».

¹⁰ Стихотворение из цикла *Органы власти*.

Стихи Пригова — маска массового человека, простака, сугубо *прозаического*, но маска, выражающая суть — «будто бы маска». Проза и внешне («нарочно») и внутри¹¹.

Бездарный упадочно-слабый вариант обереутизма («дадаизм?»), который был все же лиричен.

Лица и позиции совершенно не разобрать, вероятно от цинизма. Пишет о злбодневном, но как оценивает его — не ясно.

В некоторых из переписанных стих<отворений>ях, м<ожет б<ыть>, что-то шевелится.

Если можно сказать, что это «держится», то только отталкиванием от фона.

Похоже на москов<ского> Некрасова¹².

В целом — мерзость.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов Валерий. «Синтетика поэзии». Брюсов Валерий (ред.). *Проблемы поэтики*. Москва — Ленинград: Земля и фабрика, 1925.

Пригов Дмитрий Александрович. *Места. Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 4. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.

Тютчев Федор. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1957.

LITERATURE

Bryusov Valerii. “Sintetika poezii”. Bryusov Valerii (ed.). *Problemy poetiki*. Moskva — Leningrad: Zemlya i fabrika, 1925.

Prigov Dmitrii Aleksandrovich. *Mesta. Sbranie sochinenii v pyati tomakh*. T. 4. M.: Novoe lit. obozrenie, 2019.

Tyutchev Fedor. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957.

Павел Глушаков
Андреј Дмитриев

ПОЕЗИЈА ДМИТРИЈА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРИГОВА У РЕЦЕПЦИЈИ
Д. Е. МАКСИМОВА: НЕОБЈАВЉЕНИ МАТЕРИЈАЛ ИЗ 1980. ГОДИНЕ

Резиме

Чланак представља публикацију архивског материјала, који је у вези с поезијом Дмитрија Пригова. Познати историчар руске књижевности Дмитриј Максимов прави забелешке из поезије неиздатих стихова Пригова и даје кратак коментар тих текстова. Документ

¹¹ Здесь, как представляется, автор книги *Поэзия и проза Ал. Блока* отошел от своих же принципов: рассматривать произведение искусства по принципу *синтетичности и музыкальности*, не отделяя форму поисков от сути поисков. Этот принцип ярче всего выражен в цитируемом в монографии высказывании Брюсова: «Спор о данном произведении, поэзия ли это или не поэзия, может быть решен на основании объективных признаков, а не субъективных суждений или импрессионистической критики» (Брюсов 1925: 29).

¹² Имеется в виду поэт Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) — один из основателей «московского концептуализма».

Максимова није занимљив само као факт историје књижевности. То је сведочанство о сло-
женој рефлексiji туђег стваралаштва у формираном естетском систему, који је у херме-
тичким совјетским условима задобио окамењене и непокретне (па самим тим нефлекси-
билне) форме. У текстовима публикације прати се процес индивидуалног стваралачког
доживљаја једног човека преко текстуалног стварања другог песника. Коментари на мар-
гинама, исправљена пунктуација, која треба да учини текст „традиционалнијим“, нави-
ка — све то постаје интересантан феномен овладавања новом поетиком кроз њено не-
прихватање.

Кључне речи: Пригов, Максимов, Тјутчев, рецепција, московски концептуализам,
авангарда.